

Дарья Донцова

Железные сапоги-скороходы

Детектив на диете **Татьяна Сергеева**

Дарья Аркадьевна Донцова
Чугунные сапоги-скороходы
Серия «Иронический
детектив (Эксмо)»
Серия «Татьяна Сергеева.
Детектив на диете», книга 31

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66545994

Чугунные сапоги-скороходы:

ISBN 978-5-04-159539-5

Аннотация

Если сидишь на жесткой диете, то сыр с маслом надо есть без хлеба. Бедная Таня Сергеева уже в который раз пытается похудеть, и сегодня утром под ней развалились весы! Начало дня нельзя назвать удачным, но потом все пошло еще «веселее». К Татьяне обратилась некая Зинаида Морина. К ее зятю Игорю приехал погостить двоюродный брат – сын его родного дяди. Сказать, что Игорь изумился, – ничего не сказать. Да и сама Морина немало удивилась. Она прекрасно знала отца Игоря, дружила с ним, но никогда не слышала о том, что у мужчины есть брат. Гость произвел приятное впечатление, провел несколько дней у Мориных, а потом Зинаида поняла: новоявленный родственник обыскивает их квартиру. После нелепых оправданий

мужчина пропал, и это очень растревожило Зинаиду. Татьяна, конечно же, распутает клубок тайн этой семейки. Вот только заказчицу результат вряд ли обрадует...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	32
Глава шестая	37
Глава седьмая	43
Глава восьмая	49
Глава девятая	55
Глава десятая	61
Глава одиннадцатая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Дарья Аркадьевна Донцова

Чугунные сапоги- скараходы

© Донцова Д.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

Если сидеть на жесткой диете, то жирный сыр со сливочным деревенским маслом необходимо есть без хлеба. От мучного толстеют.

Я посмотрела на весы. М-да! Цифра, что появилась в окошке, совсем не та, которую мне хочется видеть. Ну и что теперь делать? Раздался громкий резкий звук. Я пошатнулась, замахала руками, пытаюсь сохранить равновесие, и шлепнулась на пол. В ту же секунду с умывальника с грохотом свалилась банка с кремом. Кто бы мог подумать, что ее падение вызовет столько шума? И конечно же, в дверь тут же стали стучать.

– Танюш, – закричала Рина, – что случилось?

– Вам помочь? – осведомилась Надежда Михайловна.

Я посмотрела на куски пластика, разлетевшиеся по всему санузлу. И как ответить на их вопросы? Честно сказать: «Все хорошо, просто подо мной весы развалились»? Нет, этого говорить нельзя.

– Таня, – продолжала нервничать моя свекровь, – ответь! Ты упала в обморок?

– Нет, – отозвалась я, – уронила весы, и они разбились. Сейчас выйду.

– Завтрак на столе, – уже другим, веселым голосом сообщила Ирина Леонидовна.

Я встала. Меня нельзя назвать стройной красавицей, при виде которой всех остальных женщин терзает зависть. Я никогда не могла похвастаться привлекательной внешностью и точеной фигурой. Образование у меня самое обычное: я преподаватель русского языка и литературы. Мне довелось некоторое время работать в школе, откуда я сбежала с невероятной радостью. Несмотря на свои внешние данные, пустой, как правило, кошелек, неумение готовить и вести домашнее хозяйство, я ухитрилась несколько раз выйти замуж, но особого счастья это мне не принесло. Вдруг кто-то на небесах решил, что меня надо поощрить, и я попала в систему особых бригад. Меня туда привел Гри, вот с ним мы жили счастливо до тех пор, пока он не исчез. Я поняла, что на этом пора перестать пытаться устроить личную жизнь, лучше полностью уйти в работу, и спустя некоторое время я опять оказалась в загсе вместе с Иваном Никифоровичем, создателем и руководителем особых бригад.

Не знаю, за какие такие заслуги вечная брачная неудачница обрела самого лучшего на свете мужа, который любит меня такой, какая я есть, всегда во всем поддерживает и стал моим лучшим другом. Часто у женщины, которая счастлива в браке, для того чтобы ей жизнь медом не казалась, бывает на редкость вредная свекровь. Но я вытащила из барабана аж два выигрышных билета. В комплекте с Иваном я получила Ирину Леонидовну. Сколько ей лет? Чаще всего четырнадцать, порой семнадцать, иногда десять. Один раз я виде-

ла тридцатилетнюю Рину, и она оказалась замечательной. Но в основном мать Ивана – веселая школьница, которой интересна жизнь во всех ее проявлениях. Эта восьмиклассница гениально готовит, никогда никому не делает замечаний, в любой момент готова прийти на помощь и обожает животных. А еще она умна, у нее прекрасное чувство юмора, и Рина не притворяется, что обожает невестку. Она на самом деле любит меня. Думаю, где-то живет Таня Сергеева, моя полная тезка, умная, красивая, стройная, удачливая, это ей предназначался в супруги Иван Никифорович. Но в небесной канцелярии случился косяк, и все досталось неприметной толстушке. Единственное облако на небе моего счастья – мой вес, который постоянно норовит увеличиться.

Неделю назад, когда на мне не застегнулись брюки, которые еще в апреле сидели свободно, я приняла решение опять сесть на диету. Целую неделю я честно жевала одну капусту. И вот результат! Сегодня под девицей-красавицей развалились весы!

Я вскочила, быстро собрала руины весов, бросила их в корзину для мусора, пошла в столовую и увидела Рину, она не замедлила поинтересоваться:

– Как ты ухитрилась весы разбить?

Я развела руками.

– Уронила.

– Они же на полу стоят, – удивилась Ирина Леонидовна.

Раз уж начала лгать, то нельзя останавливаться. Но что

сейчас сказать? Через секунду в голову пришел, как мне показалось, замечательный ответ:

– Я взяла их мокрыми руками, и они выскользнули из пальцев.

– Зачем ты весы поднимала? – опять выразила недоумение Ирина Леонидовна. – На них надо ногами становиться, а не в руках держать!

– Ну... понимаешь... Сейчас объясню, – пробормотала я и притихла.

Еще в детстве я поняла, что врать не стоит. Солжешь, а тебе начнут задавать вопросы, и в конце концов всем станет понятно, что ты врушка. Жизнь лгуна сложна, лучше быть честным. Но порой происходят такие события, что нужно сочинить сказку. Вот вы бы признались домочадцам, что, посидев на диете, раздавили весы? А?

– Я взяла банку с кремом, – начала фантазировать я, – а она круглая, неудобная, упала прямо на весы... Брык! И гряда обломков!

– Ну и ну, – изумилась наша домработница. – Сколько же весит банка?

– У каждого изделия есть слабая точка, – нашла я подходящий аргумент, – нажмешь пальцем на опору моста в таком месте, и упс! Все рухнет!

Надежда Михайловна уронила в мойку миску, которую тщательно полоскала.

– Не знала! Значит, если кто-то случайно заденет эту са-

мую точку, конструкция рассыплется?

– Да, да, – закивала я и взяла весьма вовремя зазвонивший телефон.

– Ты где? – спросил Коробков.

Мой взгляд переместился на часы.

– Собираюсь выехать в офис.

– Можешь не спешить, – обрадовал меня Димон, – клиент опаздывает на два часа. По дороге зарули к Лёне, купи пончиков.

– Пончики, – повторила я со вздохом.

Наш начальник отдела компьютерного поиска постоянно жуёт. Сначала он слопает то, что заботливая жена Лапуля ему с собой дала. Потом попьёт чаю с пирожками в буфете, а в кафе, принадлежащем Леониду, кофейку с кексами. Пообедает, пополдничает раз семь, сходит на угол за шаурмой, поужинает и дома перед сном опять подзаправится. Лапуля гениально готовит, все у нее очень вкусно получается. А теперь объясните. Коробков лопает все, что видит, а с него брюки сваливаются. Ко мне же килограммы прилипают, да же если я просто на булочку посмотрю, облизнусь и мимо пройду. Где справедливость? Надо что-то делать с моей фигурой. Но что?

Я вернулась в спальню, открыла ноутбук и написала в поисковике запрос: «Как гарантированно избавиться от лишнего веса?»

Я не самый умелый пловец в океане интернета, когда мне

что-то нужно в сети, я всегда обращаюсь к Димону. Но мне не хочется никому говорить, что я решила найти специалиста, который объяснит, как не толстеть.

На экране появилась масса сообщений. Меня удивил доктор, автор статьи «Как потерять десять кило за сутки». Я пошевелила мышкой и начала читать текст: «Врач с мировым именем, у которого худеют все звезды Голливуда, раскрыл секрет стройности. Первое. Ешьте меньше. Второе. Когда хотите сожрать пирожное, выпейте вместо него пять стаканов воды. Третье. Займитесь спортом. Придерживайтесь этих правил, и вы избавитесь от жира. Кто прочитал мою статью, поставьте непременно лайк. Если не сделаете этого, то навсегда останетесь жирной свиньей». Да уж, похоже, врач с мировым именем – агрессивная дама, она надеется заработать, публикуя «умные» статьи.

Примерно полчаса я изучала интернет, поняла, что все «великие диетологи» пишут одно и то же, и приуныла. Но потом в голову пришла правильная мысль: зачем лазить по сайтам. Люди, которые строчат: «диЭтолоК», «вАзьмите стОкан вАды», навряд ли мне помогут. Лучше найти специализированную клинику. Сказано – сделано. Я составила новый запрос: «Лечение ожирения в стационаре». И вновь увидела массу предложений.

Глава вторая

Из множества клиник мне понравилась столичная под названием «Худеть с умом». На сайте было сообщение: «Занятия фитнесом в группе. Онлайн или в нашем зале. Консультация врача-диетолога. Беседы с тренером и психологом. Цена курса из тридцати занятий – двадцать девять тысяч. Зарегистрируйтесь для того, чтобы получить адрес и телефон центра. Не обещаем вам потерю двадцати кг за месяц, это опасно для физического и психического здоровья. Вес нужно сбрасывать аккуратно и медленно. Имейте в виду, что диета не разовая акция, а образ жизни».

Я обрадовалась. Ну, наконец-то разумный текст, и нажала на кнопку «зарегистрироваться». Открылось окно. «Здравствуйте, вы приняли решение сбросить вес?» Я ткнула пальцем в строчку «Да». Далее начался диалог с ноутбуком.

– Фамилия, имя, отчество.

Ну, это просто.

– Дата рождения.

Слава богу, пока я еще ее помню.

– Адрес прописки.

Пожалуйста, я выучила его наизусть.

– Адрес фактического проживания.

Я усмехнулась. Похоже, опросник составлял бывший сотрудник ФСБ. Большинство медучреждений удовлетворяют

ся информацией о регистрации. Наша семья проживает в больших апартаментах в центре города. Но в целях безопасности и у Рины, и у нас с мужем в паспортах значатся другие данные. Я уверена, что никто из работников центра не поедет в дальний конец мегаполиса, чтобы проверить, ночует ли госпожа Сергеева в доме семь, корпус четыре, квартира сто двадцать по улице с названием Косогорская. Поэтому я нагло соврала:

– По месту прописки.

Ноутбук продолжил опрос.

– Номер, серия паспорта.

Я напечатала цифры и увидела:

– СНИЛС.

Пришлось порыться в коробке с документами. Хорошо, что я догадалась прихватить с собой карточку ОМС, потому что на экране возник вопрос про полис. Думаете, на этом все закончилось? Как бы не так, теперь центр возжаждал заполучить ИНН. Я засопела, напечатала необходимые данные и обрадовалась, увидев слова:

– Идет проверка.

На экране стали мелькать сообщения: «СНИЛС – одобрено, ИНН – одобрено, адрес – одобрено. Паспорт...» Я уставилась на экран. Ну? Что дальше?

– Ваш паспорт недействителен.

– Эй, почему? – возмутилась я, забыв, что сижу у компьютера. – Я много лет живу с этим документом, и никаких

проблем не возникало, на его основании мне выдали загранпаспорт, в него поставили пятилетнюю итальянскую визу. В подлинности моего паспорта до сих пор ни одна инстанция не усомнилась.

Ноутбук издал тихий звук, появилось новое сообщение. «Для повторной проверки паспорта нажмите послать запрос. Я схватила мышку. Интернет – великое изобретение, но, увы, его иногда глючит. Мои имя и фамилия не эксклюзивные. Возможно, у какой-то Тани Сергеевой закончился срок действия паспорта. Сейчас посмотрят еще раз и поймут, что ошиблись.

Экран мигнул, появилось сообщение: «Ваш запрос принят. Его рассмотрение займет от двух часов до трех дней».

Я встала, ладно, подожду, не так уж и долго, а сейчас мне пора в офис. Хорошо, что до работы рукой подать! Десяти минут хватит, чтобы добраться. Не забыть бы заехать по дороге к Лёне, взять в его кафе побольше фирменных пончиков, чтобы хватило не только Коробкову, но и всем остальным. Кстати, сегодня у нас наконец появится новый эксперт Вадим Борисович Пирогов. Куда подевался Михаил? Он женился на девушке из Питера, уехал к ней и теперь служит в нашем филиале в Северной столице.

Я быстро оделась, прыгнула за руль, домчалась до кафе и взяла большую коробку с выпечкой. За минуту добралась до нашего здания, поднялась на свой этаж, открыла дверь переговорной и увидела психолога Аду Марковну Штольц-

баумкухенрайз. Немногие способны выговорить эту фамилию с одного раза, мы зовем ее Дюдюля, Дюдюня, Дюдюся, Дюдюлище. Ада – близкая подруга Рины, благодаря матери Ивана я и заполучила душеведа в свою команду. Сколько ей лет? Точный возраст Ады неизвестен даже отделу персонала, сотрудники которого знают, как вы вели себя в два года в песочнице, ели ли с аппетитом манную кашу в детском саду, какие отметки получали в школе и чем болели в течение всей своей жизни. Причем справка о вашем здоровье начнется словами: «Ребенок от третьей беременности, рост пятьдесят два сантиметра, вес три кило пятьсот». Для наших кадровиков тайн не существует, они знают все про всех, кроме Ады Марковны, ее биография окутана густым туманом. Рядом с Адой расположился детектив Никита Павлович: выглядит он школьником, таким двоечником, лентяем и безобразником. Но внешность обманчива. Никита – один из лучших на поле сыска. Соседнее место занимает Дмитрий Коробков, он, как обычно, окружен ноутбуками и, как всегда, готов подкрепиться. В плане аппетита и умения изъясняться афоризмами Димон прямая родня Винни Пуха. Напротив Коробка сидит наш новый эксперт.

– Пончики, – обрадовался Дима, вскочил и поспешил к шкафу, где спрятан электрочайник.

Сотрудники нашей пожарной охраны регулярно, и никого не предупреждая, совершают набеги на офисы разных бригад. С какой целью? Для изъятия чайников. Однажды я не

удержалась и спросила у очередного «налетчика»:

– Чем вам чайник не угодил?

– Он работает от сети, – ответил парень, – если случится короткое замыкание, все сгорит.

– Кофемашина тоже включается в электросеть, – возразила я, – а ее не трогают. И компьютеры, кстати, надо ставить на зарядку. Я уж не говорю про лабораторию экспертизы, там столько всякого-разного воткнуто в розетки, и ничего.

– Все, вами перечисленное, разрешено, а чайники запрещены, – отрезал парень, – это не я придумал. Мне начальник велел забирать их все.

– А у нас его нет! – беззастенчиво соврала я. – Мы кофеек предпочитаем.

– Небось затырили, – предположил охотник за чайниками.

– Вам нельзя открывать наши шкафы, – напомнила я.

Наш диалог прервал стук.

Дверь комнаты распахнулась, и появилась модно одетая дама, это была госпожа Морина, наша клиентка.

– Здравствуйте, – произнесла она.

– Зинаида Борисовна, добрый день, – улыбнулась я, – заходите, садитесь.

– Чай, кофе? – предложил Димон и показал на тарелку. – Угощайтесь, самые вкусные в Москве пончики у нас.

– Мне только выпечку и есть, – засмеялась посетительница, – я живу на одной капусте, кроликом стала и все равно толстею. Вот чаю выпью с удовольствием. На улице дождь

льет и холодно.

– Осень, – элегически заметил Никита, – не стоит ждать, что жасмин расцветет.

– Да, в октябре не самая прекрасная погода, но есть в ней своя прелесть, – произнес новый эксперт.

– Какая? – удивился Никита.

– Представь, что бежишь домой от метро или с парковки, – стал объяснять Вадим Борисович, – ты промок, продрог. Влетел в квартиру. А там сухо. Тепло. Из крана горячая вода течет, на столе пирожки. Поел, упал на диван, взял любимую книгу. Лежишь, радуешься. Все плохое нам дается для понимания: вокруг много прекрасного, которое мы просто не замечаем.

Я поставила перед Зинаидой чашку.

– Что у вас случилось?

Глава третья

– Ничего экстраординарного, – смутилась Морина, – все живы-здоровы. Просто небольшая странность.

– Рассказывайте, – велела Ада Марковна.

Зинаида сделала глоток чая.

– О, цейлонский! Люблю его намного больше, чем индийский. Если моя история покажется вам длинной, остановите меня.

– Непременно, – пообещал Димон.

Зинаида начала обстоятельно объяснять, почему она пришла к нам.

У Мориной трехэтажная квартира в центре Москвы, в доме, который возвели в начале тридцатых годов двадцатого века. Учтите, что в те времена в центре Москвы народ в основном ютился в коммуналках. А у Мориных был просто дворец. Каким образом отец Зинаиды, Борис, ухитрился оторвать такие хоромы? Все объясняется просто. Борис был известным архитектором, разработавшим проекты многих зданий, как в столице, так и в других городах. Одна из его работ – коммуна для пожилых людей.

После Октябрьской революции и до начала Великой Отечественной войны в СССР существовала мода на коммуны. Люди, объединенные одной профессией или какими-то общими интересами, селились вместе. Большая общая кварти-

ра превращалась почти в семейную: в ней бушевали нешуточные страсти, до утра обсуждались разные интересные темы, на кухне висел сизый сигаретный дым, на плите постоянно кипел чайник. А потом кому-то из тех, кто работал в Моссовете, пришла в голову идея построить здание для тех, кто уже не может в силу своего возраста работать. Борису поручили спроектировать дом. Морин не подвел, начертил план здания с просторными комнатами, при каждой был санузел, на первом этаже поликлиника, на втором столовая. Просто рай для пожилых людей. И его в кратчайший срок построили.

Только не надо умиляться заботе, которую партия и правительство проявили по отношению к пенсионерам. В удобные хоромы на самом деле въехали пожилые люди, среди них были учителя, врачи, бывшие сотрудники разных министерств и даже одна ткачиха. Маленький секрет: все они являлись родственниками высокопоставленных лиц.

Не каждый человек с возрастом становится добрее, умнее и сострадательнее. Часто бывает наоборот. Пожилая мать тиранит сына, свекровь невестку, отец на дух не переносит зятя, дед предпочитает общаться только со своим котом и ненавидит всех людей в целом. В семьях начинаются скандалы, жизнь всех, кто вынужден по утрам делить ванную и туалет, превращается в кошмар. Как обрести покой? Разъехаться. Отличное решение. Только в начале тридцатых и не мечтали об ипотеке, жилье распределяло государство. Сотни

людей были вынуждены существовать в невыносимых условиях, когда у тебя нет угла, где ты можешь уединиться. Вот те, кто имел власть, и отселили старшее поколение.

У Бориса же была шикарная по тем временам квартира: трехкомнатная, с маленькой кухней и длинными коридорами. Туалет и ванная прилагались. В одной комнате жили родители жены, во второй – малые дети, в третьей – архитектор с супругой. Ели они по очереди там же, где готовили. Старшее поколение злилось на невестку, которая жарила котлеты, еще бабушке с дедушкой не нравилась беготня внушек. Только-только закончилась Великая Отечественная война, с квадратными метрами в Москве было туго, а у Мориных родилась еще одна дочь. В один прекрасный день после особенно смачного скандала, который вспыхнул из-за спора, кто первым пойдет в душ, Бориса осенило. На следующий день он поделился своей идеей с лучшим другом Демьяном Николаевичем Викиным, большим начальником.

– Построить дом для заслуженных, но простых людей, вроде того, что ты проектировал в тридцатых? – оживился приятель. – И отселить туда вздорных старикашек?

– Нет, – возразил Борис, – сами туда переедем вместе со стариками.

– Гениально, – восхитился Викин. – Сколько будет этажей в здании?

– Больше пяти нельзя, – пояснил архитектор, – надо вписать дом в историческую застройку центра города. На каж-

дом этаже будет по квартире.

– Мне бы две, – мечтательно протянул Викин.

– Нам хватит трех, – сказал Морин.

– Отец мой инвалид войны, – стал размышлять вслух Демьян, – член КПСС, орденоносец. Мать – заслуженный агроном. Родители жены тоже партийные. Отлично, я проталкиваю идею дома, а ты начинай проект, или как там у вас чертежи называются.

Через несколько лет Борис с женой Варварой въехали в новое жилье, над ними поселились родители жены, а еще выше устроились дочери. Все апартаменты связывала лестница. Можно было ходить друг к другу в гости. На первом и втором этажах разместились владения Викиных.

Шло время, тесть умер, теща прописала к себе Зиночку. Ее сестра Ира была зарегистрирована у матери, а самая старшая Лена – у отца. Чтобы ни одна квартира не ушла на сторону, Борису и Варваре пришлось оформить развод, но это никак не повлияло на их отношения.

Три сестры любили друг друга, всегда держались вместе, все вышли замуж, похоронили родителей и бабушку, родили детей. В самом начале перестройки мужья Иры и Лены решили эмигрировать в Америку. Зина осталась в Москве, они с супругом строили карьеры в России. Времена изменились, свое жилье сестры до отъезда оформили в собственность. Ира и Лена улетали в неизвестность, но они не продали свои хоромы, а подарили их Зиночке, сказав:

– Если у нас все сложится хорошо, квадратные метры навсегда твои. Если в Америке ничего не получится, мы вернемся в Москву и поселимся на старом месте.

Сначала эмигрантам пришлось нелегко, но потом все наладилось. Старшие сестры не собирались возвращаться в Россию, они сделали дарственные на Зинаиду, и она стала обладательницей трехэтажных хором. И никто не знал, что по сути это одни апартаменты с внутренними лестницами. А на первых этажах жили дочь и сын Викиных со своими семьями. Как только в России стало можно продавать и покупать жилье, соседи снизу сделали Мариной предложение обменять одну свою квартиру на ее дом под Питером, который некогда достался Юрию от покойного отца. Особняк давно стоял пустым. У Мориных была прекрасная дача в Подмосковье. Конечно, они согласились. Спустя пару лет Зинаиде достались и апартаменты на первом этаже. Сын Викиных решил уехать за границу и предложил другу своего отца стать владельцем ненужной ему квартиры. Пятиэтажное здание в центре столицы стало целиком принадлежать Зине и Юрию.

У Зинаиды двое детей. Сонечка, художница, музыкант, писательница, необыкновенно творческая личность.

– Девочка очень ранимая, – говорила Морина, – все пропускает через сердце, очень переживает, когда сталкивается с несправедливостью. Ей не везло в любви. Но потом она встретила Петра и сейчас живет в счастливом, но гражданском браке. А вот младшая дочь Светочка сыграла свадьбу.

Ее муж Игорь... Это очень интересная история. Сейчас расскажу все по порядку. Мой супруг, Юрий Сергеевич Мильштейн, играл на виолончели, он часто улетал на гастроли, порой его по три-четыре месяца дома не было. А потом вдруг неожиданно он нарисовал картину, очень странную. Болото, кувшинки, на краю топи, на одеяле сидит усталая жаба со спицами в лапах. В воду свешивается длинный шарф, который мастерица трудолюбиво вяжет. Около нее спит кот. Полотно называлось: «Правдивые сказки. Уж полночь близится, а Германа все нет». Живописью Мильштейн впервые занялся, когда попал в больницу после того, как его поздним вечером на пешеходном переходе сбила машина. Дальнейшее развитие событий могло бы лечь в основу какого-нибудь «мыльного» сериала, только их тогда в СССР не снимали.

Водитель, который наехал на Мильштейна, был школьником. Мальчик, взяв без спроса машину отца, отправился к дому девочки, на которую хотел произвести впечатление. Поняв, что сбил человека, подросток бросился к телефону-автомату, стал кому-то звонить, и буквально через пять минут примчалась «Скорая», она доставила музыканта в расположенную неподалеку больницу.

Несмотря на то, что руки и ноги зверски болели, виолончелист не потерял сознания и сохранил способность удивляться. А изумляться было чему.

Глава четвертая

Едва носилки вкатили в приемный покой, где сидели, лежали и стояли больные, как к Мильштейну бросились аж три доктора. Отогнав медбрата, они сами раздели пострадавшего и отвезли его на рентген. Появление виолончелиста в темном кабинете вызвало приступ энтузиазма у рентгенолога, он сам постелил на стол чистую простыню. Тот, кто хоть раз попадал в советское время в клинику, поймет, какое почтение оказали Юрию: свежая белая простыня, которую врач собственноручно набросил на желтую клеенку!

А чудеса продолжались. Результат обследования был готов сразу. Юрия отвезли в операционную. Мгновенно сделали все необходимые манипуляции, предварительно дав наркоз. Затем поместили в отдельную палату с санузлом. Наркоз еще действовал, виолончелист находился в полудреме и быстро заснул.

Утром, когда Юрий открыл глаза, в палату со сладкой улыбкой вошла прехорошенькая медсестра и, прощепетав:

– Здрассти, кушайте на здоровье, – поставила перед ним переносной столик и сняла крышки с тарелок. Вот тут Мильштейн потерял дар речи. В больнице в качестве первой трапезы предлагались тосты с икрой, омлет с зеленым горошком, ломтики ананаса, чашка настоящего, не растворимого кофе и булочки с корицей. Когда медсестра ушла, музыкант

вспомнил, как вокруг него бегали доктора, как вел себя врач в рентгенкабинете, как его погрузили в сон перед тем, как накладывать гипс... Потом он окинул взглядом отдельную палату, сообразил, что за небольшой дверцей в стене прячется санузел, и наткнулся глазами на... ананас. Заморский фрукт его просто убил! С продуктами в стране туго, а тут такая экзотика! Что происходит? Тут дверь в палату открылась, вошел стройный мужчина, похоже, ровесник музыканта, сел на стул и сказал:

– Давайте познакомимся. Михаил Григорьевич Воробьев, главврач больницы.

Он помолчал пару секунд и продолжил:

– Отец мой Григорий Изович Розенберг. Вы же еврей?

Мишштейн окончательно растерялся, но кивнул.

– Истинный еврей истинному еврею всегда поможет, – заявил Воробьев, – виновник аварии мой сын Игорь. Он сломал вам руку и ногу. У меня предложение. Я лечу вас в человеческих условиях, еду вам будут привозить мои люди. Любой ваш каприз за мои деньги. Подходит?

– А что должен сделать я? – осведомился Юрий.

– Вы должны забыть, что попадали под машину, – объяснил Михаил Григорьевич. – Если кто поинтересуется, что случилось, скажите: «Полез дома на антресоли и упал с лестницы». Мы останемся друзьями, вы получите вместе со мной лучших врачей Москвы. Ни у вас, ни у членов вашей семьи никогда не будет проблем с оказанием медпомощи. Бесплат-

ной. У нас с женой, Маргаритой Львовной, два сына, я не хочу, чтобы один из них попал на зону.

Мильштейн попытался сесть.

— У меня две дочери. И вообще один истинный еврей глаз второму истинному еврею не выключет. Рухнул я со стремянки, сам виноват, дурак!

Михаил обрадовался, велел принести в палату все, что могло бы развлечь музыканта. Юрию притащили книги и зачем-то альбом для рисования, карандаши. Виолончелист начал, как он потом говорил, марать белую бумагу, увлекся, главврач увидел ироничные работы больного и пришел в восторг. Оказавшись дома, Юрий переписал свои произведения красками. Воробьев, у которого повсюду были связи, попросил одного приятеля устроить выставку картин Мильштейна. И все они быстро продались.

После травмы играть на виолончели было трудно. Постановка левой руки на этом инструменте должна содействовать достижению точной интонации, обеспечить удобство переходов по грифу. Мильштейн прекрасно орудовал в быту левой рукой. А вот концертировать, как раньше, не получалось.

Юрий Сергеевич сначала очень переживал, боялся, что не сможет содержать семью, уходил в свой кабинет и рисовал, чтобы не впасть в глубокое уныние. А потом понял: он теперь художник, причем успешный, и способен прилично зарабатывать.

Знакомство с Воробьевым переросло в крепкую дружбу, а потом и в родство. Дочь Мильштейна Светлана вышла замуж за сына Михаила, за того самого Игоря, который сбил Юрия на переходе.

Зинаида Борисовна посмотрела на пустую чашку.

Никита встал и направился к чайнику.

– Я очень долго говорю, да? – смутилась Морина.

– Чем больше информации мы узнаем, тем лучше, – улыбнулась Ада Марковна.

– Осталось совсем немного рассказать, – пробормотала Зинаида. – Миши, его жены и Юры уже нет в живых. Я живу на втором этаже, Света и Игорек на третьем, четвертый занимают Сонечка с Петром, они не расписаны, но уже давно взрослые, сами разберутся без моих советов. Остальные квартиры пока закрыты. Станет туго с деньгами, сдам их. Но пока с финансами проблем нет. Некоторое время назад в районе полудня, когда я находилась в доме одна, раздался звонок в дверь.

Я внимательно слушала посетительницу.

Зинаида удивилась, посмотрела на экран домофона, увидела молодого мужчину с дорожной сумкой и спросила:

– Вы к кому?

– Добрый день, – вежливо ответил парень. – Простите, я разговариваю с госпожой Мариной?

– Да, – подтвердила Зинаида.

– Меня зовут Федор, я сын Наума, младшего брата Игоря

Михайловича. Вот мой паспорт.

На экране домофона появилась страница документа. Зинаида Борисовна увидела имя, фамилию, отчество и нажала на кнопку.

Через полчаса она узнала, что Наум умер от тяжелой болезни. Его сын, вполне успешный бизнесмен, решил перебраться в Подмоскowie.

– В столице я не могу купить квартиру, – откровенно признался нежданный гость, – цены на недвижимость нереальные. Я единственный наследник отца, мама давно умерла, братьев и сестер у меня нет. Мне удалось заинтересовать своим бизнесом некоторых серьезных людей в столице. И вообще в Москве кипит жизнь, здесь много возможностей. А в городе, где я родился, – стоячее болото, там никому ничего не надо. Я не женат, детей не завел, не связан никакими обязательствами. Продал квартиру и загородный дом родителей, добавил к полученной сумме накопления отца, и мне хватило на небольшой дом в Подмоскowie. Сейчас я там делаю ремонт. Сразу скажу, денег мне не надо. Если можно, приютите меня на короткий срок, я вас ничем не обременю, только ночевать буду. Почему прошу? Я договорился о сотрудничестве в трех местах, мною заинтересовались, сейчас обсуждаются условия договоров. Я слегка приврал будущим партнерам, не хочу, чтобы они знали, что у меня есть деньги только на еду. Поэтому объяснил: «Купил особняк в Подмоскowie, но за руль пока не сел. Движение в столице интен-

сивное, нет у меня опыта управления автомобилем в условиях мегаполиса, я нанял инструктора, позанимаюсь немного, привыкну и тогда опять буду рулить своим “Бентли”». Но никакой «Бентли» мне пока не по карману, был старенький «Хундай». Я на нем в столицу со всем хабаром приехал, а как только добрался, «лошадь» выдохлась.

Зинаида Борисовна улыбнулась.

– Мне его честность понравилась, стало жаль парня. Потеря родителей – тяжелая травма, и любящей женщины рядом нет. Машина сломалась, ее дешевле продать, чем чинить. И, как назло, нужно ежедневно приезжать в Москву. С электричкой проблемы, она не всегда останавливается на платформе, где Федор садится в поезд, утром в шесть, потом в девять тридцать. А встречи назначаются на десять. Воробьеву приходится приезжать в Москву около семи и ждать в метро. Он стеснялся попроситься к нам на постой. Но потом у него от всех перипетий обострилась язва. Попасть сейчас в клинику для него смерти подобно. Партнеры поостерегутся иметь дело с больным. Ну, я и пригрела его. Места-то полно! Две квартиры на нижних этажах пустуют.

Клиентка замолчала.

– Судя по вашему рассказу, вы впервые увидели Федора, – сказал Иван Никифорович.

– Правильно, – согласилась Зинаида.

– Смею предположить, что братья не общались? – задала свой вопрос Ада Марковна.

Зинаида опустила глаза.

– Да. Но какое это имеет значение? Наум младше Игоря, Маргарита обожала младшего, тот появился на свет, когда мать была уже не юной девушкой. Понятно, что мальчика избаловали, он рос крайне непослушным, убегал из дома, вот такой ребенок. Игорек же уважал родителей, не доставлял им неприятностей. Сейчас он владеет бизнесом, содержит семью. Наум же уехал в другой город и пропал. Но Федя-то племянник Игорька. Родство веником за порог не отправить, пришлось помочь парню. Он мне понравился. Правильная речь, воспитанный, с набитым ртом за столом не болтает. Вежливый. Аккуратный. Ненавязчивый. Правда, возник вопрос.

Зинаида подняла одну бровь.

– Я логопед, врач, знаю, что с язвой желудка надо соблюдать диету.

– Верно, – согласился Вадим Борисович.

– А он ест копченую колбасу! – воскликнула Зинаида. – На завтрак бутерброды с ней делает. Ломоть черного хлеба, слой масла толщиной в метр, сверху штук пять-шесть кусков брауншвейгской колбаски, не тоненьких. Три-четыре таких сендвича. Запивает их черным кофе без молока и сахара. Странно же?

– Такую ежедневную трапезу не стоит устраивать даже очень здоровому человеку, – заявил Пирогов, – а уж больному тем более!

– Я приготовила утку с яблоками, – вздохнула Морина, – к ней картошку. Федор полакомился целой ножкой, потом крылом и половиной грудки.

– И не умер? – с самым серьезным видом осведомился Коробков.

– Нет! – воскликнула Морина. – Запил все лимонадом сладким. Пол-литровую бутылку дюшеса одним махом опустошил.

– Ого, – не выдержала я, – жирная утка с гарниром плюс газировка. Да после такого угощения неизбежны проблемы с пищеварением.

– Конечно, – согласилась Зинаида, – но это еще не все странности. Федор уезжает по делам утром, с десяти часов наша квартира пустует. Дети отправляются на работу, я еду в Марфо-Мариинскую обитель. Всю жизнь работаю детским логопедом, сначала в разных поликлиниках, потом случайно попала в этот монастырь: в нем оказывают бесплатную помощь ребятам с ДЦП. И вот уже не один год для меня это лучшее место на свете. Приду туда и уходить не хочется. Дети замечательные, родители стойкие, сотрудники умницы. А уж настоятельница – диво дивное, чудо чудное. Доброты бесконечной, умная, милосердная. Дочки мои выросли, у внуков няня. У меня все хорошо в материальном плане. Поэтому я могу в обители много времени проводить, оказывать там помощь. Домой поздно прихожу. И тут случилось...

Глава пятая

Зинаида Борисовна понизила голос.

– Я зачем-то позавчера вырядилась в сапоги на каблуке. Приехала в обитель, поскользнулась во дворе, упала и больно ушиблась. Перелома нет, просто ссадина. Мне ее обработали, вроде легче стало. Но все равно некомфортно. Я поехала домой, вернулась в квартиру не как обычно, а в районе часа дня. Вошла в столовую и чую запах! Одеколон. Мужской. У меня чуткий нос, я сразу узнала аромат, таким парфюмом пользуется Федор. А он на втором этаже живет, ко мне поднимается лишь тогда, когда я всех зову поесть. Но племянник Игоря сейчас должен быть на каком-то совещании. Стою в комнате, на душе тревожно. И тут шаги! Входит Федор! Увидел меня, замер, похоже, испугался, но потом выдохнул:

– Уфф! Это вы!

Его появление меня ошарашило, потом я ответила:

– А кто еще может находиться в моей квартире?

Парень смутился.

– Сегодня я вернулся рано, встречу отменили. И слышу наверху шаги. Я испугался, вдруг к вам вор залез. Знаю, что вы, Зинаида Борисовна, поздно возвращаетесь, поспешил посмотреть. А это вы. Что случилось? Почему вы так рано вернулись?

Я рассказала ему, как упала. Федя заахал:

– Может, в аптеку сбежать? Мазь купить?

Я отказалась, в доме все есть, и спросила:

– Вы сами когда пришли?

И услышала:

– Так минут за пять до того, как вы домой вернулись.

Зинаида Борисовна неожиданно встала и показала на свою талию.

– У него вот тут сумочка висела, такие давно-давно торговцы на рынках носили. Деньги в них держали, типа кошелька большого на поясе.

Морина села.

– Я сказала Федору: «Устала, пойду отдохну». Он к себе спустился. Я чайник включила, думаю, нос меня никогда не подводит. Сейчас от Федора очень сильно парфюмом несло. Когда я домой вошла, запах уже был, но не такой интенсивный, поспокойней. И мои шаги внизу никак не могли быть слышны. Сапоги я сразу в прихожей скинула, вместо тапочек у меня вязаные носки. Я в них как кошка беззвучно передвигаюсь. Стала так дома ходить, когда внизу еще Викины жили. Не хотела грохать подошвами у них над головой. Поступь у меня тяжелая. Неприятно очень мне стало. Понимаете?

– Вы подумали, что Федор в отсутствие вас шарил в ваших апартаментах, – кивнула я, – это никому не понравится.

– Вдруг вы ошиблись? – задал свой вопрос Никита.

Зинаида Борисовна покачала головой.

– Нет. Сейчас поймете почему. У меня в спальне большой

шкаф, сделанный на заказ, от стены до стены. Отделение для одежды, еще одно с полками, между ними большое застекленное пространство. Там хранится моя коллекция фарфора. Все дверцы запираются, замки врезали, когда дети были маленькими. Девочки любили залезть в мою спальню, перевернуть все вещи, разбили пару фигурок. И я заказала замки, они самые простые, но без ключа дверь не открыть. Когда дочери выросли, я перестала вещи под замком держать. А стеклянная дверь до сих пор закрыта, отпираю ее, когда мою статуэтки. Ключи я не прячу, они хранятся в столике у моей кровати. Очень дорожу коллекцией фарфора. Юрочка меня баловал, частенько давал конверт и говорил:

– Мамулечка, я заработал немножко. Запишись на аукцион, купи что-нибудь интересное.

У меня есть раритеты. Например, девочка с овечкой. За ней много коллекционеров гонялось. Кроме того, мне удалось собрать всю серию «Месяцы года», которую выпускал в двадцатых-тридцатых годах прошлого века Государственный фарфоровый завод, ныне Ломоносовский. Это уникальное собрание, двенадцать фигурок в прекрасном состоянии. На аукционе за одну можно выручить до тридцати тысяч долларов, а то и больше.

– Ничего себе, – воскликнул Никита, – я бы тоже их запер!

– Статуэтки размещены строго по порядку, – продолжала Зинаида, – а тут! Март стоит за январем, октябрь переместился на место декабря. У меня традиция: каждый вечер я

подхожу к шкафу и желаю статуэткам спокойной ночи. Когда проснусь – говорю им доброе утро, день начинаю и заканчиваю так.

Морина выпила остывший чай.

– Значит, перед вашим уходом фарфоровые фигурки находились там, куда вы их поставили? – предположила Ада Марковна.

– Совершенно верно, – подтвердила Зинаида, – а когда вернулась – полный беспорядок и запах одеколona Федора. И он сам вдруг появился в моей квартире... Понимаете, Наум у Воробьевых был закрытой темой. Я о нем после его побега из родительского дома ничего не знала. Понятия не имела о том, что Наум женился и обзавелся сыном. Я стараюсь никогда не лгать, всегда говорю правду. Меня так воспитали. Да, я могу утаить информацию, но лукавить не в моих правилах.

– Поэтому частенько бываете обманутой, – предположила Ада Марковна, – мы всегда подозреваем другого человека в своих грехах.

– Не понял, – удивился Никита.

– Если кто-то говорит: «Все вокруг воры», значит, он сам может украсть, – ответил вместо Дюдюли Коробков. – Если женщина заявляет: «Все представительницы слабого пола изменяют мужьям», то она сама прелюбодейка. Если плетешь охотничьи истории, то считаешь, что все вокруг вруны. А если не лжешь, то никого и не заподозришь в нечестности. Вот госпожу Морину и обводят вокруг пальца.

– Игорек наивный, – продолжала Зинаида, – Светочка и Сонечка считают всех людей честными. Они поверили этому типу. Девочек сейчас нет, они улетели отдыхать, и Петя с ними, и деток Светиных взяли. Игорек остался. У него бизнес!!! Мне бы сразу обратить внимание на все странности. Но я...

Морина смутилась.

– Дети давно прозвали меня Чугунными сапогами-сороками. Я всегда за дочками в школу опаздывала. Вроде выйду заранее, да по дороге магазин попадется... И с сообразительностью у меня плохо, не сразу в ситуации разбираюсь. Очень точная для меня кличка – Чугунные сапоги-сороки. Большая просьба. Узнайте, кто такой наш гость? Является ли Федор на самом деле племянником Игоря? Очень вас прошу. Насчет платы не беспокойтесь. Я готова внести аванс.

– Хорошо, – кивнула я, – попрошу вас перейти в соседнее помещение, там находится юрист, подпишите договор, который мы заключаем со всеми клиентами. И начнем работать.

Глава шестая

Мы разбрелись по своим кабинетам. Димон попросил дать ему час, чтобы собрать первую информацию о госте Зинаиды. Я решила использовать свободное время с толком, посмотреть, может, медцентр уже проверил мой паспорт, убедился, что он не фальшивый, и готов зарегистрировать новую клиентку.

Нужный сайт открылся на рабочем компьютере мигом. Ну, что у нас тут? А ничего! Зато в почту упало письмо. «Уважаемая Татьяна Сергеева! Вы направили нам запрос в отношении своего паспорта. Ответ содержится в прикрепленном файле».

Я повозила мышкой по коврику и прочла текст: «Уважаемый Геннадий Викторович Селезнев! Ваш запрос номер 8924567432/10 от адреса turdurbug направлен в управление пожарной охраны города Кабановска. Факт поджога вашего сарая должен быть тщательно рассмотрен в управлении пожарной охраны города Кабановска. В случае ненахождения виновного лица в факте поджога сарая гражданина Г. В. Селезнева, далее именуемого “заявитель”. Он имеет право отправить жалобу на пожарную охрану города Кабановск в управление пожарной охраны райцентра Заринск. В случае неприменения мер управлением пожарной охраны Заринска по факту ненахождения пожарной охраной города Каба-

новска лиц, предположительно совершивших поджог сарая заявителя, тот имеет право отправить жалобу на управление пожарной охраны города Заринска по факту неприменения мер управлением пожарной охраны города Заринска по факту ненахождения пожарной охраной города Кабановска лиц, предположительно совершивших поджог сарая заявителя. Срок рассмотрения жалоб – шесть месяцев. Ответственный сотрудник отдела разбора жалоб граждан ОПМСРТФТ А. И. Компот. Данное письмо на почту turdurbur оперировано автоматически и не требует ответа».

Мне понадобилось минут десять, чтобы прочитать послание два раза и понять, что творчество ответственного сотрудника А. И. Компот не имеет ни малейшего отношения к моему паспорту. В организации, куда я отправила запрос о своем паспорте, кто-то перепутал ответы. Возможно, нужная мне информация отправлена Селезневу. И как быть? Я начала печатать: «Уважаемый Геннадий Викторович! Ко мне на почту случайно пришло письмо для вас. Вопрос: может, на ваше имя отправили ответ на запрос Сергеевой? Отправляю вам письмо за подписью А. И. Компот. А вы, если получите послание для Сергеевой, сбросьте его мне. Татьяна Сергеева».

Теперь надо аккуратно набрать адрес: turdurbur. Ура, получилось, послание «улетело» к Селезневу. Я молодец! За короткое время справилась с задачей, обошлась без помощи Димона. Танюша, ты великий хакер! Повелитель мышки! Ге-

ний клавиатуры. У меня еще осталось время, чтобы пообедать. Хотя... диета!

Я встала. Да, я временно ограничиваю себя в пище, но не собираюсь голодать. Сейчас быстро сбегаю в кафе, оно находится на соседней улице. В нашей столовой вкусно готовят, но если я возьму один салат из капусты, вся бригада начнет задавать вопросы: «Ты заболела? Почему не взяла пирожное на десерт?» Если отвечу честно, ситуация усугубится. Ада Марковна уже в который раз станет рассказывать, как ее бабушка в тысяча восемьсот каком-то году избавилась от ста лишних килограммов, стегая себя веником из крапивы. Никита непременно вспомнит, как его девушка считала калории, даже сделав глоток воды, и так надоела ему, что он дождался момента, когда красавица, обессилив от голода, крепко заснула, и сбежал от нее навсегда, забыв в квартире стройняшки свои тапки. О них Никита жалеет по сию пору, а девицу не вспоминает. Не останется в стороне и Димон, тот озвучит способы приготовления еды из воздуха, коими полнится интернет. Не знаю, правда, какотреагирует Вадим Борисович, но, учитывая, что у него диплом врача, он тоже не промолчит. Правда, Пирогов патологоанатом и эксперт, един в двух лицах, и его клиенты уже не мечтают обрести стройность. Может, он и не поддержит животрепещущую тему. Но остальных не остановишь. Поэтому топай, Танюша, на соседнюю улицу.

Я сделала шаг в сторону двери и услышала характерный

звук. На почту прилетело сообщение. Пришлось вновь сесть за компьютер и прочитать послание: «Сергеева! Я не Г. В. Селезнев. Какого хрена присылаешь чухню. Делать нечего?»

Я удивилась, но ответила:

«Извините, не хотела вас беспокоить. В письме, которое мне ошибочно отправили, есть адрес: turburdur. Я просто переслала адресованное мне сообщение».

«Ни хрена, – отреагировал через пару секунд неизвестно кто. – Это не моя почта!»

И у нас завязалась оживленная переписка.

«Но вы же получили послание и отреагировали на него».

«Ага. Тока оно пришло на адрес turburdur».

«Верно. Туда я и отослала депешу».

«Депешу! Культурная, блин, научись компом пользоваться. Я ответил от turburdur».

«Так это ваш адрес».

«Мой!»

«Почему тогда уверяете, что не ваш?»

«Потому что письмо послано не на мой адрес. А ты коза эфиопская».

«Не знаю, есть ли в прекрасной стране Эфиопии козы. Но если они там живут, то это здорово. Меня сравнение с милым африканским животным радует. Ваша почта turburdur?»

«Да».

«Она указана в ответе на ваш запрос».

«Нет».

«Вы же посылали запрос о сгоревшем сарае!»

«Да».

«И что?»

«У меня нет сарая».

Мне стало жалко незнакомого Г. В. Селезнева, он очень переживает из-за пожара, который лишил егохозпостройки.

«Конечно, у вас нет сарая. Увы, он погиб в огне. Не расстраивайтесь. Отправьте запросы в разные инстанции, пусть найдут поджигателя».

«У меня нет сарая!!!»

«Сочувствую вам».

«Не может сгореть то, чего нет».

«Конечно».

«У меня нет и не было будки с барахлом. Я живу в центре города. В столице России халабуды с разным дерьмом во дворах не возводят».

Я схватила бутылку воды со стола, сделала пару глотков и напечатала:

«Так вы москвич? Зачем тогда вы обращались в пожарную охрану Кабановска?»

«Я им не писал».

«Но вам ответили. Или это такой же глюк, как с моим запросом?»

«Глюк у тебя в голове, коза. Ты отправила письмо на адрес turburdur».

«Да».

«А что в письме указано? Какой адрес?»

«turburdur».

«Нет».

«Как нет? Я умею читать!»

«Ни фиги! Букв не знаешь. Разуи глаза, коза, там написано turburdyr».

«Правильно! Туда я и отправила!»

«Коза! Козень! Козища! turburdur и turburdyr. Есть разница?»

«Нет».

«Коза».

Я еще раз внимательно изучила слова и ахнула:

«В первой почте «dur», а во второй «dyr».

«Наконец-то у козы активировался мозг».

«Почему вы мне сразу не указали на мою ошибку?»

«А почему ты сразу не напечатала правильно? Коза!»

«Простите, пожалуйста. Хотела помочь Г. В. Селезневу, у него сарай сгорел».

«А у тебя крыша обвалилась. Я чуть не сдох, пока объяснил».

«Извините, более вас не побеспокою».

«Надеюсь, прощай, коза».

Я выдохнула, переслала письмо на правильный адрес мужчины, который лишился сарая, хотела пойти в кафе, и тут позвонил Димон.

– Ты где? Мы уже поели, ждем начальство.

Глава седьмая

– Наум Михайлович Воробьев на самом деле является младшим сыном Михаила Григорьевича, некогда главврача одной из самых крупных больниц Москвы, – начал Коробков. – Думаю, в советские времена Михаил имел огромные связи. У него была одна супруга: Маргарита Львовна. Свадьбу они сыграли, когда им исполнилось восемнадцать. Сейчас новобрачные такого возраста считаются детьми, они вызывают жалость у окружающих. Выставят такие молодожены фото из загса в соцсети и вместо поздравлений получают шквал сообщений: «Идиоты, не погуляли совсем», «На шею родителям сядут, сами не зарабатывают», «Родится ребенок, сразу разбегутся», «Невеста страшная, боялась, похоже, что никто на ней, кроме этого идиота, не женится». А в советские годы таких пар было большинство.

– Женщину, которая в двадцать шесть лет впервые стала новилась матерью, называли тогда «старородящей», – вмешалась Ада Марковна, – пугали ее, что младенец появится больным.

– Маргарита Львовна не выделялась на общем фоне беременных, – хмыкнул Коробков. – Первого сына она родила через год после свадьбы, а вот второго значительно позднее. До свадьбы Игоря мать не дожила.

– Рак? – предположил Никита. – Инфаркт, инсульт?

– Нет, – возразил Коробков, – но если учесть, что творил Наум, то удивительно, что его мать не заработала ни одну из перечисленных тобой болезней. Парень с ранних лет стал безобразничать. Его выгнали из всех детских садов за драки. Потом он кочевал по школам, откуда вылетал, набрав двоек почти по всем предметам и заработав славу отъявленного хулигана. Драки, воровство, дурное поведение... Младший состоял на учете в детской комнате милиции, досье на него высотой с Эверест. Скорей всего, до инспектора не доходили известия о всех подвигах подростка, папенька утрясал ситуацию. Тут уместно вспомнить, как Игорь сбил Юрия Мильштейна. Подросток сел за руль машины отца, не справился с управлением и наехал на человека. Это «приключение» могло на всю жизнь искорежить его биографию: арест, суд, зона. В СССР общество плохо относилось к преступникам, их не романтизировали, не считали героями. Михаил Григорьевич спас старшего сына от больших неприятностей. И как на это отреагировал Игорь? Круглый троечник за один год превратился в отличника, поступил в институт и больше никогда ни в чем дурном не был замечен. Парень получил диплом, женился, работает, все у него нормально. А что с Наумом? Похоже, он не собирался останавливаться. И случилась трагедия. В пятнадцать лет парень совершил убийство. Михаил не смог отмазать непутевого сына: того взяли на месте преступления у трупа в состоянии легкого наркотического опьянения. Травку покурил. Юношу отправили в колонию

для несовершеннолетних.

– Ну и ну! – покачала головой Ада Марковна. – Высшую меру он не получил, потому что не достиг восемнадцати лет. Никита Хрущев, который правил в СССР с тысяча девятьсот пятьдесят третьего по тысяча девятьсот шестьдесят четвертый год, один раз отправил на расстрел пятнадцатилетнего Аркадия Нейланда. Тот решил ограбить квартиру одной женщины, назвался почтальоном, а когда его впустили, зарубил и хозяйку, и ее шестилетнего сына топором. Потом Нейланд съел завтрак, который для ребенка приготовила жертва, ограбил жилье, поджег его и спокойно ушел. Но это единственный случай, когда в СССР привели в исполнение смертный приговор в отношении несовершеннолетнего.

– Верно, – согласился Димон, – Наум отправился отбывать наказание. Почему вы не спрашиваете, кого он лишил жизни?

– Несчастливого человека, у которого были деньги, – предположила я, – когда наркоману нужна доза, он становится злым, ему все равно, как получить удовольствие, он может выхватить портмоне у человека, влезть в квартиру, хозяева которой неосторожно оставили открытое окно.

– Прямо в яблочко! – воскликнул Коробков. – Только все произошло на даче Воробьевых. Владельцы дома не закрыли окно на первом этаже. Глава семьи уехал в Москву, старший сын тоже отсутствовал. Маргарита Львовна ушла в магазин, Игорь вернулся на дачу, стал искать мать, зашел в ее

спальню, а там человек душит подушкой женщину на кровати. Игорь схватил преступника. Назову его имя: Наум, младший сын Воробьевых.

В комнате на секунду стало тихо.

– Теперь понятно, почему Михаил Григорьевич перестал общаться с парнем, – воскликнул Никита.

– Подождите, – попросила я, – нестыковка какая-то. Димон, ты говорил, что Маргарита Львовна ушла в магазин.

– Да, – согласился Коробков.

– Но она же ушла, – повторила я.

Димон поднял брови.

– Почему ты подумала, что Наум лишил жизни свою мать?

– Ты сказал, что Игорь пошел в спальню матери, а там на кровати труп и убийца с подушкой в руках, – напомнила я.

– Да, но я не уточнил, чей труп, – фыркнул Димон.

– Хочешь сказать, что на постели Маргариты Львовны лежала не она? – спросил Никита.

– В гости к Воробьевой приехала ее лучшая подруга Нина Алексеевна Кропоткина, – пустился в объяснения Коробков, – женщины выпили кофейку, и у Нины началась мигрень. Погода в тот день шалила: сначала светило солнце, потом вдруг набежали тучи, стало душно, нависла гроза. Вот у Кропоткиной и заболела нещадно голова. Маргарита уложила подругу в самой прохладной комнате, своей спальне, распахнула окно, чтобы впустить побольше свежего воздуха, и пошла на другой конец деревни в сельпо за творогом. Она

подумала, что Нина проспит пару часиков, а когда проснется, на столе уже будет запеканка с черной смородиной – любимое блюдо гостыи. Отсутствовала Марго полчаса, может, чуть больше. Где Игорь, она не знала, но не беспокоилась, сын стал совсем взрослым. Когда она вернулась домой, сразу прошла на кухню готовить. Но тут из коридора раздался голос местного участкового:

– Игорь, показывай!

Димон оторвался от экрана.

– Это я вам сейчас изложил то, что записал лейтенант Горелов, сотрудник убойного отдела.

– За короткий срок ты нашел старое дело? – восхитилась Ада Марковна.

– И оно оцифровано? – удивился Никита.

Коробков вытащил из кармана конфету и начал разворачивать обертку.

– Хотелось бы мне работать с такой скоростью, но не стану врать о своих суперспособностях. Есть программа поиска человека по СМИ, по упоминаниям о нем в разных источниках: в газетах, журналах, книгах. Я подумал, что от общения с сыном родители просто так не откажутся. Случилось нечто ужасное. Да, в то время интернета не существовало, зато сейчас он есть. Дюдюля вспомнила дело Аркадия Нейланда. Советские газеты о малолетнем убийце писали сухо и коротко: «Приговор приведен в исполнение». А сейчас зайти в сеть – и получишь все подробности в деталях. Вот я и решил за-

пустить поиск по имени-фамилии. Возможно, у Воробьевых произошло нечто экстраординарное, и какой-то сайт из тех, что смакуют подробности преступлений прошлых лет, опубликовал статейку. Если где-то есть упоминания о Маргарите Львовне, Игоре, Науме, Михаиле Григорьевиче, то мне тут же упадет название статьи. И я получил, что хотел. Для лейтенанта Романа Сергеевича Горелова дело об убийстве Нины Кропоткиной стало судьбоносным. Работая над материалами, он ощутил писательский зуд, оставил карьеру следователя и написал свое первое произведение: «Правдивые сказки топтуна на отдыхе», сборник рассказов о делах, которые распутывал следователь Пожаров. Невероятно талантливый, умный, красивый сотрудник МВД, верный муж, заботливый отец, прекрасный товарищ и коллега. И что уж совсем необычно, Горелов оставил настоящее имя преступника, фамилию и отчество. Как правило, литераторы так не поступают, но это первая книга, опыта не было, редактор небось вопроса об именах героев не задавал.

Глава восьмая

– Себе-то он взял псевдоним, – усмехнулась Ада Марковна.

– Да, – подтвердил Димон, – Горелов до сих пор пишет романы. Правда, Роман Сергеевич отредактировал образ главного героя. Следователь Пожаров пережил личную драму, от него ушла жена. Алчная дамочка предложила мужу подделать за большие деньги документы в деле вора в законе. Пожаров отказался и отправил авторитета в суд. Супруга обозвала мужа идиотом в погонах и ушла от честного полицейского к олигарху, жулику, негодяю, мерзавцу, зато богатому. Пожаров с той поры одинок и окружен красавицами. И вообще он просто мачо и умен в придачу!

– А что с Наумом? – поинтересовалась я.

– В рассказе Горелова сообщается, что парень отсидел весь немаленький срок и вышел на свободу, – отчитался Коробков, – в заключении паренек времени зря не терял. Сначала он окончил десятилетку, потом обучился мастерству краснодеревщика. В колонии был на хорошем счету, замечаний не имел. Освободился и... как в воду канул, никакой информации о Науме Воробьеве больше нет.

– То есть ты ничего не нашел? – изумился Иван Никифорович.

– Пока да, но не теряю надежды на успех поисков, – отра-

портовал Коробков. – Все выглядит так, словно со сведениями о младшем брате Игоря поработал чистильщик. Вообще ничего нет! Поиск усложняется из-за того, что Наума посадили еще при советской власти, а выпустили, когда в стране шли перестройка и перестрелка. Стало можно делать что хочешь, наступил расцвет бандитизма, решения вопросов с помощью оружия. Старые законы уже не работали, новые еще не работают. Страна жила по понятиям, из-за границы нам присылали гуманитарную помощь. Помните колбасу салями отчаянно-розового цвета? От нее потом язык и губы краснели, не отмыть их было. Или сухая смесь «Юпи», «просто добавь воды»? Веселое и одновременно жуткое время. У каждой станции метро был стихийный рынок, зарплаты хватало на один сникерс.

– А про Федора что-то есть? – осведомился Никита.

– Он зарегистрировался в Подмоскowie, прописан в доме, но не является его владельцем.

– Так, – протянула Дюдюля, – уже интересно!

– Площадь дома семьдесят метров, к нему не подведены ни газ, ни вода. Есть электричество.

– Где он раньше жил? – не умолкала Ада Марковна.

Димон почесал затылок.

– Нет ответа.

– Похоже, Зинаида Борисовна не зря волновалась, – заметил Роман Сергеевич, – гость-то ей наврал, не покупал он недвижимость. И наверное, обыскивал квартиру Мориной в

ее отсутствие. Говорил ей, что уезжает рано, и на самом деле уходил. Сидел где-то неподалеку в кафе, ждал, пока все уедут, шел назад и рылся в шкафах.

– Зачем? – задала вопрос дня Ада Марковна.

– Напрашивается ответ: что-то хотел найти, – сказал Вадим Борисович.

– Что люди ищут в чужих квартирах? – начала рассуждать вслух Дюдюля. – Деньги, драгоценности, компрометирующие материалы, какие-то документы. Я знаю одну бабушку, у которой хранятся метрические свидетельства о рождении всех членов ее большой семьи, выписки из церковных книг, там фиксировали тех, кого крестили. У старушки масса документов, они бережно разложены по коробочкам. Бабуля – кладезь информации.

– Федор не член семьи Зинаиды Борисовны, – возразил Вадим Борисович.

– Он племянник Игоря, – напомнила я, – возможно, ему нужно то, что прячет его дядя.

– Что именно? – задал вопрос Никита.

– Пока нет ответа, – вздохнула я и взяла жужжащий телефон. – Привет, Рина.

В ответ раздался плач, у меня перевернулось сердце.

– Она прилетела, – сквозь всхлипывания сказала Ирина Леонидовна.

Я решила сохранять спокойствие:

– Кто?

– Она.

– Как ее зовут?

– Не знаю.

Димон показывал пальцем на свое ухо, я включила громкую связь.

– Рина, где та, что тебя напугала?

– В квартире, – пролепетала свекровь, – такая страшная, огромная, жуткая. Я хотела убежать из дома, но как бросить Мози, Роки и Альберта Кузьмича! Надю!

– Она в квартире, – повторила я. – А как она туда попала?

– Не знаю! Танюшечка, мне страшно!

Я побежала к двери, выскочила в коридор, помчалась к лифту и при этом не переставала говорить.

– Рина, я буду дома через считанные минуты. Ты где сейчас?

– Спряталась в кабинете Вани, – дрожащим голосом отпартовала свекровь.

– Отлично, – обрадовался Димон, который тоже вскочил в лифт, за ним туда же влетели все члены бригады.

– Рина, опусти защитную дверь, запри ее на все замки, – велела я, – сядь в кресло у пульта управления. Если поймешь, что предпринимается попытка войти, не паникуй. Дверь не поддастся никаким отмычкам. Ее не взорвать, она сделана из особой стали, между листами засыпка из спецматериала.

– Знаю, я уже активировала ее, – пропищала мать Ивана

Никифоровича. – Ой, ой!

Я занервничала:

– Что случилось? Скажи немедленно.

– Мози описался, – ответила Рина, – я взяла с собой всех животных.

Я выбежала из лифта, влезла в джип, нажала на педаль, ткнула пальцем в аварийную кнопку, вылетела из подземного гаража и помчалась по шоссе, на котором парализовало все движение. А вы бы, сидя за рулем, как поступили, увидев, что по дороге, воя сиренами, мигая стробоскопами, кричащая и взвизгивая, несется кавалькада черных, наглухо затонированных внедорожников, а из первого орет бас:

– Дорогу спецмашинам! Дорогу спецмашинам!

Вот вы бы продолжали спокойно ехать перед этой колонной? Я бы точно свернула в сторону, понятно же, что с такими людьми лучше не связываться.

Путь до дома занял три минуты, которые мне показались вечностью. Проигнорировав лифт, все помчались по лестнице и остановились у двери. Я молча подняла руку, растопырила пальцы, потом указательный направила на дверь. Димон вытащил у меня из кармана ключи и открыл замок.

Я показала большим пальцем направо, а указательным – вперед. Никита нырнул в коридор, который вел в столовую и гостиную. Дюдюля помчалась в сторону нашей с мужем спальни. Я посмотрела на Вадима Борисовича и повернула большой палец. Эксперт беззвучно направился в узкую га-

лерею, она вела в постирочную и кладовку. В то же мгновение передо мной возник Никита, потом появился Димон, оба сделали пальцами знак: ок. Мы втроем миновали коридор, где находилась Дюдюля. Через секунду нас нагнал Пирогов.

Я выдохнула:

– Никого в квартире нет. Никита, отведи Вадима Борисовича в столовую. Мы сейчас придем туда же.

После того как детектив и эксперт исчезли из зоны видимости, я позвонила Рине:

– Выходи, мы у двери, в доме чисто.

Послышалось гудение, через пару минут створка приоткрылась, Ирина Леонидовна высунулась наружу.

– Она улетела?

– В квартире только мы, не бойся, – заверила подругу Ада Марковна.

Глава девятая

– Я не боюсь, – прошептала мать моего мужа, – я просто в ужасе.

Дюдюля засюсюкала:

– Риночка, я тебя не узнаю, кисонька. Ты ли это? Вспомни, как мы по крышам уходили, когда за нами люди Кривого гнались? Я боялась прыгать с дома на дом, а ты меня пинала, кричала: «Давай, лучше разбиться на ..., чем в лапы уроды угодить».

Я обомлела. Ну и ну! Сей факт из жизни свекрови мне был неизвестен.

– А когда мы в сарае горели? – продолжала Ада Марковна. – Я чуть сознание от ужаса не потеряла! Ты свою кофту сняла, разорвала, сунула мне кусок ткани, рывкнула: «Живо пидай на тряпку, заматывай нос, рот, и бежим сквозь огонь». Я рыдаю, говорю: «Мне писать не хочется». И что я услышала? А?

– Не помню, – прошептала Ирина Леонидовна.

Дюдюля дернула на себя дверь, за которой пряталась мать Ивана.

– Ты крикнула: «Сама твою тряпку описаю. Бежим». И мы сквозь огонь промчались. Волосы сожгли, одежду, но не задохнулись, выжили в очередной раз. Я только потом, уже дома, вспомнила, как на занятиях по самоспасению Никифор

говорил:

– В случае задымления помещения надо намочить любую ткань водой, замотать лицо и вперед, к выходу. Если нет воды, моча вам в помощь.

Я задним умом крепка, а ты всегда безупречно владела собой. А потом, после пожара, когда мы, грязные и страшные, до шоссе добрались, ты, Рина, тормознула фуру. До Москвы тридцать километров, можно пешком дойти, но далековато. Шофер дверь открыл.

– Эй, вы кто?

Ты ему в ответ:

– Мы феи дороги.

Водитель заржал.

– Чтобы я с вами..? Да никогда. На себя гляньте!

Я на обочину села, думаю, придется переть нам на своих двоих. А ты мужику говоришь:

– Ты неправильно нас понял, мы не шлюхи. Реальные феи. Денег у нас нет, но натурой расплачиваться не станем. Бабки есть у парня, к которому ты нас отвезешь, вот он не поскупится. Мы тебя за доброту наградим. Нафеячим Коле счастья, любви, семью хорошую, зарплату толстую.

Тот удивился: «Откуда вы знаете, как меня зовут?» – «Так я же объяснила, мы феи», – повторила ты. Не догадался парень, что ты распространенное имя наобум назвала. И это сработало. Он нас посадил, воды дал, бутербродами поделился. Мы всю дорогу смеялись, анекдоты рассказывали. И

ведь сбылись твои слова, у Николаши теперь есть и семья, и дети, и внуки, и жена любимая, и зарплата шикарная.

– Вы что, с шофером этим дружите? – удивился Вадим Борисович.

– Ага, – подтвердила Ада Марковна, – он наш заведующий гаражом, классный мужик! Рина, если ты сейчас не выйдешь, Никита с Димом тебя вытащат и в нашем офисе в спецкомнате запрут. Потому что ты не Рина, а какая-то чужая баба, ты моей лучшей подругой сейчас прикидываешься, та ничего и никого не боится.

– Это я, – пролепетала мать Ивана. – Дюдюля, скажи, она улетела?

– В квартире нет никого кроме нас, – заверил Димон, – выползай. Мне тоже есть, что про тебя рассказать, поэтому я пребываю в изумлении. Чего ты трясешься? А ну иди сюда!

Коробков схватил Ирину Леонидовну за плечи, вытащил ее в коридор и велел:

– Идем в столовую!

– Ее там точно нет? – тряслась Рина.

– Двигаем в комнату, – приказал Коробков, – я хочу чаю! С чем-нибудь вкусным! Алле, Ирина Леонидовна, у тебя есть что пожевать?

Моя свекровь моргнула и вздрогнула:

– Да! Естественно! Борщ с черносливом, картофельная запеканка, пара салатиков, булочки с корицей.

Я обрадовалась, включилась домашняя хозяйка, значит,

мать моего мужа пришла в себя.

– Шикарно, – обрадовался Никита, – я съем все.

Мы направились в столовую, я первая схватила за вилку. Да, собиралась сегодня весь день провести на диете, но не стоит сейчас нервировать Рину заявлением: «Что-то аппетита нет». Завтра отниму у себя все вкусное, что ведет к ожирению.

Некоторое время в столовой раздавался только стук приборов. Когда Димон в третий раз потянулся к блюду с котлетами, Дюдюля обратилась к подруге:

– Объясни, что произошло?

Ирина Леонидовна вздрогнула.

– Она тут летала!

– Ведьма на метле? – предположил Никита.

– Нет, – совершенно серьезно ответила моя свекровь, – здоровенная такая!

– Муха? – решил пошутить Димон.

– Бабочка, – уточнила Ирина Леонидовна.

Повисла тишина, потом Дюдюля повторила:

– Бабочка? Из-за нее мы как оголтелые неслись по шоссе, народ распугивали, включили режим А?

Ирина Леонидовна прижала руки к груди.

– Понимаю, это звучит глупо. Но я до паники боюсь бабочек.

– Они же не кусаются, – удивился Никита.

– Да, – согласилась Рина, – но как подумаю, что эта тва-

рюга сядет мне ночью на лицо...

Ирина Леонидовна замерла с открытым ртом, потом прошептала:

– Она тут, – сползла со стула и спряталась под столом.

– Точно! – засмеялся Димон. – Парит над комодом.

Я вскочила, сбегала на кухню за полотенцем и примчалась назад с вопросом:

– Где?

– Над миской с салатом, – уточнил Никита. – Какая-то странная.

– Жуть, – подала голос из укрытия Рина.

– Чешуекрылые порхают, – заметил Пирогов, – а эта летит, словно самолет. Необычно.

– Ужас, – прошептала Ирина Леонидовна.

Никита схватил салфетку, вскочил и стукнул ею по непонятно кому. Жуть свалилась в миску с салатом.

Никита стал рассматривать свою добычу.

– Это жук!

– Разрешите взглянуть, – попросил Вадим Борисович. – О нет! Перед нами... Ирина Леонидовна, как вы относитесь к тараканам? Кто для вас страшнее, бабочка или прусак?

– Оба кошмар, – призналась Рина, – но последних я давно выгнала. В квартире их нет.

– А вот вы и ошибаетесь, – заявил Пирогов, – есть. Только у вас завелись не маленькие рыжие, а большие мадагаскарские тараканы. Они в длину достигают восьми-деяти сан-

тиметров, размах крыльев у этих ребят до двадцати сантиметров.

– Вы шутите? – спросила Рина. – Тараканы только бегают, быстренько так.

– Верно, а эти еще и летают, – заявил Вадим.

– Поймайте его! – закричала Ирина Леонидовна. – Поймайте!

– Уже, – успокоил Никита мою свекровь, – он лежит в салате, не трепыхается.

И тут у меня зазвонил рабочий телефон. Я вышла в прихожую и начала разговор:

– Добрый день, Зинаида Борисовна.

– Можете приехать ко мне домой? – зашептала Морина.

– Легче пешком дойти, я нахожусь почти рядом с вами.

– Пожалуйста, поторопитесь, – по-прежнему шепотом попросила Зинаида, – мне надо кое-что вам показать. Но я могу сделать это, только пока нахожусь дома одна.

Глава десятая

– Федор – вор, – с гневом заявила хозяйка дома, когда увидела меня на пороге, – идите сюда! Нет, я точно Чугунные сапоги-скороходы! Всегда до меня поздно доходит!

Мы двинулись по извилистым коридорам старомосковской квартиры. Да уж, тот, кто спланировал и построил дом для пожилых людей, а на самом деле для себя и друга, не сэкономил на площади.

– Сколько здесь комнат? – не выдержала я.

– Девять, – ответила владелица апартаментов, – столовая, гостиная, спальня моя, мужа, его кабинет, мастерская, гостевые и библиотека. Нам сюда.

Зинаида открыла дверь.

– Вот это да! – восхитилась я. – Сколько книг!

Хозяйка пошла к окну.

– Наша семья всегда любила читать, муж трепетно собирал книги. Здесь все, что было можно купить в советские годы для взрослых и детей. В помещении есть тайна, о которой дочери узнали не сразу.

Хозяйка подошла к одному стеллажу, подкатила к нему лестницу на колесиках, поднялась под потолок, взяла большой том, нажала на заднюю стенку полки, та отъехала, и обнажилась кнопка. Зинаида ткнула в нее пальцем. Книжный шкаф, который стоял последним, медленно повернулся бо-

ком.

Я пришла в восхищение.

– Секретная комната.

– Нет, – возразила хозяйка, – это мастерская мужа. А спрятали ее по двум причинам: краски резко пахнут, у меня от их запаха голова болеть начинала. Кнопка, открывающая вход, так расположена из-за девочек. Юра боялся, что к дочкам друзья придут, а нас не будет дома. Дети любопытны, начнут гулять по комнатам, полезут книги на полках смотреть, увидят в стене кнопку, нажмут, войдут в мастерскую, набедокурят. Уходя из дома, муж прятал лестницу. Дочери долго не знали, что отец пишет картины в квартире, думали, что он куда-то уезжает. Мы им рассказали правду, когда они повзрослели. Входите.

Я очутилась в зале с большими окнами, увидела мольберт, полки с красками и столик, накрытый клеенкой...

– После смерти супруга я ничего здесь не убирала, – пояснила вдова, – несколько раз собиралась освободить помещение, но так и не смогла осуществить задуманное. Кажется, вот уничтожу мастерскую, и тогда Юрий окончательно умрет. Зачем мне еще одна комната? Что, для одной девяти мало? Я вообще-то сюда захожу несколько раз в году: в день нашей свадьбы, знакомства, в Рождество и на Новый год. Что меня сегодня сюда привело? Просто будто кто-то приказал: «Зина, ступай в мастерскую».

Морина опустила голову.

– Сонечка верит в то, что умершие живы, она на картах гадает, спиритические сеансы устраивает. Дочка порой говорит: «Мертвые с нами, они могут беду отвести, надо только услышать их». Бред, конечно, но я не хочу с ней по этому поводу спорить. А сейчас впервые подумала: «Может, она права?» Вот по какой причине непонятно чей голос в моей голове дудел: «Иди в мастерскую». Так настаивал, что я сюда пришла и вижу...

Зинаида замолчала.

– Что случилось? – спросила я.

Зинаида показала на одно окно.

– Вас ничего не удивляет?

– Подоконник! – воскликнула я. – Он поднят!

– Да, – кивнула хозяйка, – можете посмотреть.

Я подошла к раме и увидела, что под доской, которая сейчас стояла перпендикулярно, есть углубление.

Зинаида встала рядом.

– Там тайник. Когда мы въехали в эту квартиру, то в мастерской предполагали устроить кухню, а в библиотеке столовую. Я начала осматривать помещение и попросила Юру: «Давай сделаем здесь кладовую». Он удивился:

– Почему?

Я показала на окна.

– Они очень большие, а батарея в комнате одна! Зимой тут может быть холодно.

Муж без восторга отнесся к моему предложению:

– Сюда подвели газ и воду.

Но я настаивала и, как потом выяснилось, оказалась права. В мастерской всегда свежо. Из-за моей прихоти переезд задержался, коммуникации переносили в другое место. Наверное, в это время супруг и сделал потайное место. Что он там держал? Понятия не имею.

Зинаида засунула руку в отверстие и вытащила два кожаных чемоданчика, выглядели они далеко не новыми. Мори-на откинула крышки.

– В них ничего нет. Навряд ли кто-то станет прятать пустые несесеры. Один из них служит для хранения и перевозки ювелирных изделий. Видите тут маленькие коробочки прикреплены? Они для колец и серег. А на крючки цепляли браслеты, вон те крепления для ожерелий.

Зинаида взяла другой чемодан.

– В нем держали флаконы, – воскликнула я, – тут углубления, и понятно, что они для пузырьков, двенадцать штук помещается.

– Но сейчас оба чемоданчика пусты, – повторила Зинаида. – Когда я вошла сюда, сразу заметила поднятый подоконник. Вообще-то я редко посещала рабочую студию даже при жизни Юрия Сергеевича. А он мне про тайник не рассказывал. Нашла я чемоданы, и у меня появилась мысль. Я поспешила в квартиру, где ночевал Федор. У него с собой было мало вещей, все поместились в спортивную сумку не самого большого размера. И что? В квартире ни гостя, ни его багажа

нет! Вам ясен ход моих мыслей? Кто я после этого? Чугунные сапоги-скороходы!

Я заглянула в углубление.

– Думаю, парень откуда-то узнал, что в доме хранятся драгоценности. Проник в апартаменты в отсутствие хозяев, нашел несессеры и опустошил их. Странно, что не унес добычу вместе с кожаными чемоданами.

Зинаида Борисовна потрогала один чемоданчик.

– Он квадратный, не гнется. А у Федора сумка маленькая, узкая. В ней два таких несессера не поместятся.

– Мог в руках унести или в пакет положить, – нашла я варианты.

Зинаида опустила подоконник.

– Небось испугался, вдруг он из квартиры выскочит, а ему навстречу я или Света, Соня, Игорь, Петя. Увидят они, что у мерзавца в руке, и спросят:

– Ты уже уезжаешь? Почему не предупредил? Ой, какие чемоданчики интересные.

И вор так спешил, что забыл подоконник опустить. Захлопни он его, как я сейчас, никогда бы я не догадалась о тайнике. Пойдемте угощу вас чаем.

Мы направились к выходу, и тут послышался скрип. Я обернулась и увидела, что подоконник встал перпендикулярно полу.

Я вернулась к окну.

– Грабитель закрыл тайник и спешно покинул мастер-

скую. Крышка сама приняла вертикальное положение или...

Я опять положила подоконник на место, потом оперлась о него ладонями и нажала что есть силы на покрытую лаком доску. Раздался щелчок.

– Я не зафиксировала подоконник, – догадалась Зинаида, – вот он и поехал вверх! Думала, его просто опустить надо.

Я снова направилась к выходу.

– Грабитель так же решил.

В столовой Зинаида стала размышлять вслух:

– Чемоданчики находились в мастерской, значит, их спрятал Юра. Я понятия не имела о тайнике. Девочки, конечно, не в курсе, Игорь с Петром, естественно, тоже.

– Мужчинам показывали мастерскую? – поинтересовалась я.

Хозяйка начала заплетать из бахромы скатерти косички.

– Да, но они туда никогда не ходили.

– Вы можете дать нам на время несессеры? – попросила я.

– Пожалуйста, но зачем? – спросила Зинаида.

Я встала.

– Отпечатки пальцев надо снять, они остаются повсюду, правда, не навечно сохраняются. Можете предположить, куда уехал Федор?

– Утром он не собирался покидать нас, – ответила Морина, – ушел в девять, предупредил, что вернется поздно.

– Вы ему дали ключи, – вздохнула я.

– А как иначе? – развела руками собеседница. – Я его сразу полюбила, он же внук Миши, нашего лучшего друга. Муж Михаила Воробьева братом считал. Сколько раз он нам помогал, сколько раз поддерживал. Танечка, найдите Федора. Это щекотливая ситуация, не хочу сообщать ни девочкам, ни Игорю, ни тем более Пете о том, что случилось. Зять будет переживать, считать себя виноватым: из-за него пустили в дом вора! Вы отыщите Федю, объясните ему, что лучше вернуть украденное владельцам. И все. Ни наказания, ни вызова полиции не будет. Решим все по-семейному, без посторонних людей.

– Сомнительно, что он согласится, – сказала я, – но попробовать можно. Мне придется запачкать ваши руки.

– Чем? – изумилась Зинаида.

– Краской, – ответила я, – она смывается.

– Не понимаю, – продолжала удивляться Морина.

Пришлось объяснить:

– И вы, и я трогали несессеры. Мои отпечатки пальцев есть в лаборатории, а ваших нет.

– И что? – никак не могла сообразить собеседница.

– Надо определить их, знать, что «пальчики» принадлежат вам, Зинаида Борисовна, не искать в базе, чьи они.

– Ой, прямо как в кино! – восхитилась Морина.

Глава одиннадцатая

Утро началось с крика Надежды Михайловны.

– Летит! Бей его!

Послышался стук и лай «кабачков». Наверное, последние слова ввергли вас в изумление. Разве овощи умеют гавкать? «Кабачками» мы называем французских бульдогов Мози и Роки, которые очень похожи на цукини, собачки такие же округлые, безо всякого намека на талию. Правда, сейчас псинки медленно, но верно превращаются в дыни торпеды.

Я накинула халат, выбежала в столовую и увидела две фигуры странного вида. Та, что повыше, была одета в серебряный комбинезон с пришитыми к штанинам сапогами. В правой руке она сжимала сковородку. Вторая облачилась в непромокаемую куртку с капюшоном, брюки цвета оливок, в калоши, которые привязала к ступням шнурками. В руках у нее было полотенце.

Я остановилась на пороге столовой, услышала звук:

– Ш-ш-ш, – увидела перед своим лицом нечто большое с крыльями и шарахнулась в сторону.

– Лови его! – завопил «комбинезон».

– Сейчас таракану мало не покажется, – ответили «калоши».

Парочка бросилась в коридор, за ней потрусили бульдожки. Кот Альберт Кузьмич, который сидел на столе возле са-

харницы, подергал носом и произнес:

– Мяу, мяу!

– Да, дорогой, – отозвался Иван Никифорович, который, сохраняя олимпийское спокойствие, ел овсянку, – люди такие странные! Чего только не выдумают.

– Ш-ш-ш, – раздалось в комнате.

Альберт Кузьмич подпрыгнул и сбил лапой таракана. Тот упал прямо в тарелку мужа.

Иван посмотрел на неожиданное добавление к каше.

– В Китае считают, что насекомые – идеальный источник белка. Но я пока не готов лакомиться прусаками. Танюша, если у тебя другое мнение по данному вопросу, отдам тебе сей деликатес. Хочешь?

Я содрогнулась:

– Фу! Никогда!

– Куда он подевался? – закричала Рина из коридора.

Я захихикала.

– Где мама и Надя взяли эти странные одеяния?

Муж отодвинул тарелку и сделал глоток кофе.

– Я всегда подозревал, что Рина никогда ничего не выбирает. А сегодня мои подозрения превратились в уверенность. Серебряный костюм – противочумная защита, отцу его выдали, когда мне было лет десять-одиннадцать. Папа в него еле влез, хотел застегнуть молнию, но не удалось! Живот мешал. Мама ему велела:

– Вдохни, задержи дыхание и стой так. Я застегну комби-

незон.

Куда там! Не получилось. Отец рассвирепел:

– Рина, все ты виновата!

Мама удивилась:

– Что я не так сделала?

– Зачем вкусно готовишь? – выдвинул претензию муж. – Вот не хочу ужинать, а увижу, что ты на стол несешь, и все сметаю.

Рина у него комбинезон отняла и унесла. Понятное дело, спрятала где-то. Противочумная защита не одно десятилетие лежала в укромном месте и, пожалуйста, пригодилась сейчас.

Альберт Кузьмич, сидевший у тарелки с кашей, встал, повернулся задом к каше и начал зарывать ее лапой.

– Абсолютно с тобой согласен, – вздохнул Иван Никифорович, – возможно, геркулес с тараканом и полезен, но мне не хочется его есть.

– Где он? – закричала Рина, вбегая в столовую.

– Если ты имеешь в виду таракана, то он утонул в овсянке, – объяснил сын.

– Ужас, – попятилась моя свекровь, – катастрофа!

– Тебя травмировала кончина насекомого? – прищурился Иван. – Но вы же с Надей хотели лишить прусака жизни. Или я ошибаюсь?

– Мы планировали его поймать, – закричала Бровкина, тоже появляясь в столовой, – и посадить в банку.

– Арестовать и отправить отбывать срок, – хмыкнул Иван Никифорович.

– Нет, – возразила Рина, – потом Таня возьмет склянку, отнесет на улицу и выпустит ужасную дрянь на волю.

Я заморгала, а Иван решил прояснить ситуацию:

– Почему роль спасателя таракана отведена Танюше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.